

Международные конфликты и международное право

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-11-21>

*Интервью с Бенедиктом Гарцлем, научным сотрудником Центра
восточноевропейского права (ЦВП) Университета Граца, Австрия*

АННОТАЦИЯ

Бенедикт Гарцль (Benedikt Harzl) – австрийский юрист и политолог, научный сотрудник Центра восточноевропейского права (ЦВП) в Грацком университете имени Карла и Франца. Его основные научные интересы охватывают такие темы, как национально-государственное строительство на постсоветском пространстве, этнополитические конфликты, российская внешняя политика. Окончил университет в Граце и магистерскую программу Свободного университета в Берлине. Работал в Институте европейских исследований в Минске (Белоруссия), Германском Совете по международным отношениям в Берлине и Европейской Академии в Больцано (Италия). В 2015 г. получил степень доктора философии (PhD in Law) на юридическом факультете Университета во Франкфурте.

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

Сергей Маркедонов: В 2021 г. исполнится тридцать лет с того момента, когда распались Советский Союз и Югославия. По-прежнему эти два процесса находятся в фокусе внимания историков, политологов, специалистов по международным отношениям. В научной литературе США и европейских стран утвердилось представление, что распад СССР, в отличие от Югославии, был мирным. Профессор Корнелльского университета В. Дж. Банс в своем фундаментальном труде «Подрывные институты: дизайн и крах социализма и государства» задавала риторический вопрос: «Почему Югославия завершила свой путь войной, тогда как Советский Союз и Чехословакия распались мирно?»¹. Широко известная монография американского исследователя С. Коткина имеет говорящий заголовок «Предотвращенный Армагеддон»². Но был ли процесс распада СССР «мирным разводом»? Вряд ли бы с такой оценкой согласились армяне и азербайджанцы Нагорного Карабаха, грузины, абхазы, осетины, жители обоих берегов Днестра. Для многих из них «Армагеддон» стал вовсе не красивой метафорой, а реальностью.

1 Bunce, Valerie J. *Subversive Institutions: the Design and the Destruction of Socialism and the State*. Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511816178>.

2 Kotkin, Stephen. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000*. New York: Oxford University Press, 2001.

С Вашей точки зрения как правоведа, не были ли вызваны постсоветские и югославские этнополитические конфликты тем, что процесс распада СССР и СФРЮ прошел не в строгом соответствии с юридическими нормами? Ведь было же законодательство о праве выхода союзной республики из состава единого Советского государства (апрель 1990). Но кто на него опирался в реальных действиях в 1991 г.? Не было ли ошибкой то, что на международном уровне за основу признания новых независимых государств был положен принцип *uti possidetis juris*?¹ Просто потому, что границы между союзными республиками были приняты не на основе свободного волеизъявления, а в силу административной и политической целесообразности. И когда вдруг вчерашние республики стали в одночасье независимыми государствами, с этим новым статусом были готовы согласиться далеко не все новые их граждане.

Бенедикт Гарцль: Я бы не сказал, что это именно «ошибка». Я предпочитаю утверждать, что конфликтующие стороны не понимали, что *uti possidetis* требует консенсуса. Это один из нескольких вариантов урегулирования вопросов с границами. Но далеко не единственный. Принцип *uti possidetis* не превращается автоматически в жизнеспособное решение. Как принцип, нашедший свое практическое применение в процессе деколонизации как в Африке, так и в Латинской Америке, он был направлен на «избежание пробелов в суверенитете», а также на предотвращение пограничных войн после распада некогда единых государств путем определения прежних административных границ империй в качестве новых. В частности, мнения Комиссии Бадинтера², получившие известность в научных кругах в начале 1990-х гг., подчеркивают стремление отдельных политиков использовать этот принцип для изменения границ в Европе.

Но есть и фундаментальные проблемы. Особого внимания заслуживают два сюжета. Прежде всего, действительно ли *uti possidetis* является частью пакета международного права, и, если да, в какой именно форме выражается этот принцип? У нас нет полного понимания, что *uti possidetis* на самом деле является обязательным правом. Например, Комиссия Бадинтера не имела никаких формальных арбитражных компетенций. Она была только рекомендательной инстанцией для стран ЕС. В решении Международного Суда в деле *Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali)* в 1986 г. Суд, разумеется, использовал логику *uti possidetis*. Но был нюанс. В этом пограничном споре обе стороны, Буркина-Фасо и Мали, утверждали, что урегулирование должно быть реализовано с «уважением принципа неосвязаемости границ, унаследованного от колонизации». Другими словами, они не сомневались в том, что *uti possidetis* является основой для регулирования. И это резко контрастирует с конфликтами на Южном Кавказе. Деколонизация превратила право на самоопределение народов в право на независимость. Я убежден, что такой «импорт» не будет устраивать ни Азербайджан, ни Грузию.

1 *Uti possidetis* (от лат. «поскольку владеете») – принцип, сложившийся в международной практике, согласно которому новые независимые государства получают территорию в тех же границах, которые имелись на тот момент, пока они были либо колониями, либо административными единицами в составе других государственных образований. Подробнее см.: Brownlie, Ian. *Principles of Public International Law*. Oxford: Oxford University Press, 1998.

2 Комиссия была создана 27 августа 1991 г. и названа по имени Робера Бадинтера, французского юриста и писателя, бывшего председателя Конституционного суда и министра юстиции Франции. Она предоставляла политико-правовые рекомендации по спорным проблемам этнополитического самоопределения на Балканах в 1991–1993 гг.

Вторая проблема заключается в том, что часто этот принцип связывают со стабилизацией в международных отношениях. И в этом контексте нет необходимости говорить, что этот принцип не был способен предотвратить войну. Хотел бы добавить здесь, что новые межгосударственные границы вернули исторические обиды и конфликтующие национальные нарративы. Наиболее наглядно это можно увидеть вокруг Нагорного Карабаха. Абхазия была преобразована в автономную республику в 1931 г. Если бы она сохранилась как союзная республика, она могла бы стать вероятным кандидатом на независимость через 60 лет. Сталин, принимая решение по Абхазии, разве консультировался с абхазами? Основана ли была работа Кавбюро¹, решавшего вопрос о статусе Карабаха, на прозрачной и демократической основе? Разве Хрущев перед передачей Крымской области УССР спрашивал крымчан? Таким образом, как правовед хочу сказать, что мы должны выявить здесь функциональную взаимозависимость между правом, политикой и историей. То, что я говорю, нельзя интерпретировать упрощенно: я не считаю себя сторонником односторонних сецессий. Также не готов поддерживать идею о том, что внешнее самоопределение – это право каждого народа.

С.М.: Одним из приоритетных направлений в Ваших исследованиях является изучение влияния самоопределения бывшего сербского автономного края Косово на постсоветскую этнополитическую динамику. В своей статье «Открытие ящика Пандоры, или как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти» Вы констатируете: «Ситуация в Косове продолжает оставаться одной из наиболее интенсивно обсуждаемых и, безусловно, политизированных международно-правовых проблем. О ней непременно вспоминают, когда речь идет о проявлениях сепаратизма, как, например, в Каталонии, или об отделении части государственной территории, как в Нагорном Карабахе. Ситуация вокруг Косова будто бы призвана продемонстрировать, как можно преодолеть разрыв между политическими стремлениями и правовой действительностью»². В чем, на Ваш взгляд, заключается влияние косовского казуса на международные процессы в целом? В каких случаях мы можем говорить о сходстве косовского и, например, абхазского опыта, а в каких – об их принципиальных различиях?

Б.Г.: Стоит честно сказать, что случаи Косово, Абхазии и Южной Осетии имеют много общего. Все они иллюстрируют неотъемлемые проблемы, которые существуют при определении руководящих международных принципов. В особенности тогда, когда заходит речь об отношении к сепаратистским движениям и к появлению новых государств и, в первую очередь, о критериях их дипломатического признания. Более того, Международный суд ООН оказался не в состоянии обеспечить четких указаний в отношении последствий успешной практики сецессии в своем консультативном заключении от 22 июля 2010 г. по поводу законности Декларации о независимости Косово. В частности, его основным юридическим доказательством был тезис о том, что «международное право в целом

1 «Кавбюро» (Кавказское Бюро Центрального Комитета РКП(б)) – орган, представляющий большевистский ЦК в Закавказье. Просуществовал с апреля 1920 по февраль 1922 г.
2 Гарцль, Б. Открытие ящика Пандоры, или как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти (некоторые международно-правовые аспекты независимости Косова) // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Том 13 (5). – С. 92.

не содержит применимого запрещения деклараций независимости¹». В соответствии с этой логикой власти других де-факто государств, включая Абхазию,

Я только говорю исходя исключительно из международного права: быстрых и однозначных ответов и особенно решений просто нет. Главный выход – достижение консенсуса, но это требует уступок и порой болезненных компромиссов.

рассматривали возможности для своего признания. И хотя прямой запрет на декларирование независимости отсутствует – это не означает автоматически его явного разрешения и поощрения. В этом отношении мы можем зафиксировать прямое воздействие, которое Косово и его международное признание оказывают на позиции де-факто образований в их отношении с их «материнскими государствами».

Более того, конфликты и в Косове, и в Абхазии появились в рамках автономных образований, входящих в состав союзных республик двух коммунистических федераций. Эти федерации по многим аспектам отличались друг от друга, но они в определенной степени обеспечивали движения за сецессию элементами протогосударственности, поскольку создавали политические институты и территориальную организацию

на этнической основе. Схожим образом складывались и начальные фазы двух конфликтов. Они были отмечены требованиями и встречными требованиями по поводу массовых нарушений прав человека и актов геноцида. В одинаковой же степени сторонники независимости Косово и Абхазии оправдывают полную независимость, рассматривая ее как единственный способ разрешения этнополитического конфликта и обеспечения прав граждан, живущих на их территориях.

Но то, что сильно отличает ситуации в Абхазии и в Косове, – это уровень международного вовлечения и поддержки после объявления ими независимости в 2008 г. Именно международная реакция в случае с Косово и делает его уникальным. Хотя природа самого конфликта, а также его непосредственные причины не могут рассматриваться как уникальные. То, что пять государств-членов ЕС и два постоянных члена Совета Безопасности все еще готовы видеть Косово неотъемлемой частью Сербии, показывает, до какой степени оно, несмотря на признание 100ми государствами-членами ООН, остается в состоянии правовой неопределенности. Таким образом, прецедентный характер Косово следует рассматривать как следствие недостатка правовых принципов его признания. Из этого же

Правовая неопределенность в сочетании с односторонними действиями западных стран в случае с Косово укрепляет позиции других де-факто государств не делать никакого иного выбора, кроме выдвижения максималистских требований: независимость и государственный суверенитет.

1 "Accordance with the International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo," International Court of Justice, accessed December 16, 2020, <https://www.icj-cij.org/en/case/141>.

ряда и сопутствующее упорство властей де-факто государств: не идти на меньшее, чем получение полной независимости.

Хотел бы также объяснить, почему аргумент *sui generis* (от лат. «уникальный в своем роде») так сложен и даже опасен. Если мы утверждаем, что для уникальных случаев международное право не действует (в форме *non liquet* – от лат. «не ясно», то есть воздерживаясь при вынесении судебного решения), а в «обычных» случаях оно нормально и эффективно действует так, что сепаратисты не имеют права на собственное государство, то я должен спросить: «Кто точно имеет право определять уникальность?» Именно по этой причине Австрийская Республика (хотя австрийское правительство признало Косово), в отличие от наших немецких соседей, даже не упомянула принцип *sui generis* в заявлении к Международному Суду в протоколах, касающихся Косово. Германия же, напротив, в своем заявлении даже посвятила целую главу *sui generis*. Помимо того, что это удачно иллюстрирует довольно прагматичный подход Австрии к международным отношениям, данный сюжет подчеркивает основной вопрос, на который невозможно четко ответить. Американцы говорят в таких случаях: «Красота в глазах смотрящего». Думаю, это касается и принципа *sui generis*.

С.М.: В 2020 г. произошла заметная активизация переговорного процесса по окончательному урегулированию косовского вопроса. После двадцатимесячного застоя возобновился диалог между Белградом и Приштиной под эгидой Евросоюза. Весьма активно к процессу урегулирования подключились и США. После того как лидеры Сербии и Косова встретились в Белом доме с Д. Трампом и договорились о разблокировании экономических связей, даже появились инициативы о выдвижении американского лидера, а также президента Сербии и премьера Косова на Нобелевскую премию мира. Но если отойти от эмоций, какие последствия такая активизация может иметь? Повлияет ли это на ситуацию на Балканах, где существует немало «подводных камней», неудовлетворенности существующими границами (Македонии, Республики Сербской в составе Боснии, севера Косова и юга Сербии)? Не станет ли ускорение косовского урегулирования толчком к новому «черному переделу» в Европе?

Б.Г.: Честно говоря, я считаю, что нам не следует переоценивать реальные шансы на нормализацию отношений между Белградом и Приштиной в обозримой перспективе. Да, Белый дом предпринял еще несколько действий, но проблема Косова продолжает преследовать Европейский союз, как и весь Балканский регион. То, что было подписано в Вашингтоне, было лишь, с одной стороны, попыткой администрации Д. Трампа чего-то добиться на международной арене перед выборами, а с другой стороны, декларацией о намерениях. Но, как обыч-

Если мы утверждаем, что для уникальных случаев международное право не действует (в форме *non liquet* – от лат. «не ясно», то есть воздерживаясь при вынесении судебного решения), а в «обычных» случаях оно нормально и эффективно действует так, что сепаратисты не имеют права на собственное государство, то я должен спросить: «Кто точно имеет право определять уникальность?»

но, дьявол кроется в деталях. Что именно означает нормализация торговли? Или если Косово действительно является государством в соответствии с международным правом, почему оно в этой декларации пообещало пока воздержаться от попыток вступить в международные организации? Разве это не является бесспорным правом любого государства ссылаться на свой суверенитет и добиваться членства в ООН или в других международных организациях?

Чего не могут скрыть все эти недавние разговоры: без «зеленого света» из Белграда долгосрочное и надежное решение невозможно. Только благодаря признанию Бангладеш Пакистаном конфликт между ними в итоге был решен. И есть многие другие примеры. Это, конечно, дает Сербии как «материнскому государству» серьезные рычаги. Можно полагать, что Белград в известной мере получает право вето.

Только в том случае, если Сербия решит отказаться от Косово, международное сообщество получит уверенность в том, что бывший автономный край действительно стал государством: территориальных споров уже нет, и, таким образом, это дает ему возможность для вступления в ООН как новому государственному образованию. Даже Россия и Китай вынуждены будут в таком случае больше это не блокировать. Как ни странно, в 2008 г. это хорошо понимали все международные политические игроки.

Теоретически Сербия может диктовать точные условия, при которых Косово окончательно будет независимым государством. Действительно, это кажется несправедливым, учитывая факт, что около 100 стран уже признали независимость Косова. Но так устроена система.

Позвольте мне привести здесь показательный пример: 5 государств-членов ЕС не признают Косово и, вероятно, продолжат не признавать его дальше. Тем не менее ЕС заключил соглашение об Ассоциации с Косово. Но есть одна интересная особенность этого договора, о которой часто забывают. Даже если это соглашение представляет собой полноценное соглашение об ассоциации, основанное на статье 217 ДФЕС (Договор о функционировании Европейского союза), оно заслуживает особого внимания, поскольку это единственное соглашение об ассоциации, заключенное не ЕС и его государствами-членами, а только Евросоюзом как интеграционным объединением. При таком подходе проблема признания государства никак не была затронута, но был отражен проблемный статус Косова. Таким образом, ряд вопросов, относящихся к компетенции государств-членов ЕС, был исключен из сферы компетенции Соглашения. Взаимоприемлемое решение

в случае Косово не усилит сепаратизм в Европе. Наоборот, консенсус – всегда антитезис любого сепаратистского движения. Но к сожалению, такого решения пока на горизонте не видно.

С.М.: В этнополитических конфликтах всегда велика роль апелляции к историческому прошлому. Одно из Ваших исследований называется «Проповедники

ненависти и деформация истории»¹. В чем Вы видите сходства и различия в этно-политической мобилизации на Балканах и на Кавказе?

Б.Г.: Распад СССР и Югославии можно описать как совокупность процессов, которые были отмечены разломом единого центрального правительства, сопровождающегося изменениями политического баланса сил между различными группами, а также изменениями в контроле над экономическими ресурсами. Если использовать инструменталистский или конструктивистский подход, то можно утверждать, что падение и эффективности, и легитимности государства способствует вызреванию среды так называемых «этнических активистов как основных политических игроков». В недавно вышедшей книге, в которой мной написан раздел, мы показали, как эта идеологически вдохновленная натурализация этнического разнообразия действует на трех уровнях: 1) на эпистемологическом уровне выбор делается между сходством и различием; 2) на нормативном уровне – между равенством и неравенством и, наконец, 3) на эмпирическом уровне выбор происходит между включением и исключением. «Этнические активисты» действуют на всех трех уровнях и пытаются придать социальную и политическую значимость тому, что они считают «естественной разницей»².

Однако мы знаем, что этническая принадлежность не является врожденной чертой. Это всего лишь структурный код, который выполняет политические функции исключения и включения. Вот почему «этнические активисты» стали, к сожалению, широко распространенным и массовым явлением на всем постсоветском пространстве, в частности, на Кавказе.

Парадокс, но большинство этих «активистов» происходило из рядов коммунистической номенклатуры. В конце 1980-х гг. стало ясно, с какой легкостью коммунистическая платформа вытесняется националистической повесткой дня. И хотя абхазские страхи перед грузинским доминированием не раз проявлялись публично и в советское время, поворотным пунктом стали события марта 1989 г. Тогда 30 000 абхазов собрались в селе Лыхны, имеющем символическое значение для всего абхазского народа, и приняли т.н. «Лыхненскую декларацию», в которой говорилось о необходимости восстановления Абхазской Советской Социалистической Республики 1921 г. Эту декларацию подписало все коммунистическое руководство тогдашней Абхазии, хотя ее текст и содержал критические выпады в адрес Компартии.

Что же касается Грузии, то поворотное событие, известное как «Тбилисская трагедия», произошло 9 апреля 1989 г. Оно было особенно важно потому, что на политическом уровне произошло практически официальное принятие националистических требований. Через пару месяцев Верховный Совет Грузинской ССР, то есть советский орган власти, принял закон, в соответствии с которым грузинский язык был признан обязательным во всех органах государственной власти на территории Республики. В той же степени политические уступки националистам стали очевидными, когда власти Грузинской ССР попытались расколоть

1 Harzl, Benedikt. "Preachers of Hatred and Deformation of History: The Case of Ethno-Mobilization in Kosovo." *Southeastern Europe*, no. 34 (2010): 38–54.

2 Marko, Joseph, and Sergiu Constantin, eds. *Human and Minority Rights Protection by Multiple Diversity Governance: History, Law, Ideology and Politics in European Perspective*. London: Routledge, 2019.

Абхазский госуниверситет по этническим линиям летом 1989 г., пытаясь при этом обойти властные институты Абхазской АССР. Во многом схожим образом действовал и С. Милошевич, который сегодня рассматривается как инициатор и лидер сербского националистического возрождения, а изначально он позиционировал себя как технократ, чье восхождение к власти было типичным эпизодом в политической жизни коммунистического государства.

После описанных выше событий начался «мобилизационный цикл», в котором бывшие коммунистические институты стали постепенно трансформироваться, а нация – опираться на этническую идентичность, которая была сильно политизирована для создания предпосылок государственного строительства.

Главным нервом этих «мобилизационных процессов» были совместные усилия политических, общественных и культурных элит, которые осуществляли инкорпорирование исторических и идентификационных дихотомий в нормативное пространство общенациональной идентичности в связи с проектами государственного строительства.

Эта идентичность превратилась в объект массовой мобилизации. И культурные элиты, у которых не оказалось достаточного иммунитета к националистическим настроениям, были также вовлечены в этот процесс. Они, конечно же, внесли свой вклад в рост национальных страхов и фобий. Печально известный Союз писателей Сербии, а также грузинское Общество Шота Руставели, другие творческие организации или отдельные ученые были весьма эффективны в создании и продвижении антагонизмов между «нами и ними» и враждебных стереотипов посредством постоянного обращения к историческому прошлому и оправдания с помощью истории вызовов сегодняшнего дня.

Возьмем и разберем подробнее один пример. Известный грузинский историк М. Лордкипанидзе написал в 1990 г., что «абхазы никогда не подвергались нападениям грузин, они атаковали и грабили друг друга», а затем подвела итог, что «существование абхазской автономии в любой форме было абсолютно неоправданным»¹. Само собой разумеется, абхазские культурные элиты были не в меньшей степени вовлечены в создание своих так называемых исторических «правд». И в этом отношении, повторяюсь, начальные фазы конфликтов на Южном Кавказе и на Балканах выглядят похожими.

Что же касается различий этнических мобилизаций в Югославии и в бывшем Советском Союзе, то я нахожу особенно интересным грузино-абхазский конфликт. Хотя абхазский национально-государственный проект и раньше, и сейчас остается этнически ориентированным, абхазам удалось установить над-этнические коалиции практически со всеми другими негрузинскими группами в Абхазии. Это произошло на политическом уровне, если говорить о стратегической координации при голосовании в Верховном Совете Абхазской АССР, но коалиции также формировались и на социальном уровне: между абхазской ор-

1 Лордкипанидзе, М.Д. Абхазы и Абхазия. – Тбилиси: Издательство Ганателба, 1990. – С. 74.

ганизацией «Айдгылара», русским «Славянским домом», армянским «Крунком», а также греческой культурной ассоциацией. Такое сотрудничество стало ключевым в ходе военного противостояния с Грузией, так как армянский батальон имени Баграмяна сыграл важную роль во взятии Сухуми в 1993 г. Таким образом, мобилизация в Абхазии стала массовым феноменом из-за надэтнической солидарности, несмотря на исключительно этническую природу грузино-абхазского конфликта.

С.М.: И последний по порядку, но не по важности вопрос. Мы много говорим о том, что в политике действуют двойные стандарты, что право нередко приносится в жертву целесообразности, а четких критериев для признания новых государств нет. В международных отношениях будущего какую Вы видите роль международного права? Что необходимо предпринять, чтобы правовые нормы стали играть большую роль? Или на сегодняшний день это выглядит утопией?

Б.Г.: Позвольте мне разделить этот вопрос на несколько частей. Первая: как вы определяете международное право и его сущность, и на каких его аспектах вы делаете упор? Если рассматривать международное право исключительно с точки зрения его авторитетного применения, как если бы оно происходило в высокоцентрализованной системе правового государства, то я вынужден отметить определенные недостатки. Приведу пример: Согласно статье 94 (2) Устава ООН, Совет Безопасности ООН имеет право приводить в исполнение решения Международного Суда, если одна сторона спора не исполняет такое судебное решение. Но Совет Безопасности часто не может приводить такие решения в исполнение из-за права вето каждого из пяти постоянных членов. Означает ли это, что «сила есть право», и что Совет Безопасности – это своеобразная международная олигархия? Дж. Миршаймер, известный американский политолог-реалист, однажды написал в своей книге «Трагедия великих держав», что в международных отношениях нет «номера 911», и поэтому международное право в целом не имеет значения¹. Однако я бы немного не согласился с такой узкой интерпретацией международного права. Например, если вам удастся уклониться от уплаты налогов и вас не поймут финансовые органы, означает ли это, что уклонение от уплаты налогов теперь является законным? Просто отсутствие надлежащего исполнения не превращает противоправное действие в законное. И именно по этой причине американская интервенция в Ирак в 2003 г. была и остается явным нарушением международного права независимо от того, какими отсылками на законность США хотят изобразить эту интервенцию. Это приводит к вопросу о том, как возникает международное право? Как узнать, что такое международное право на самом деле? В большинстве случаев, помимо *jus cogens* (от лат. «неоспоримое право»), международное право создается на основе консенсуса. Государства соглашаются по ряду вопросов на основе международных договоров, как, например, Устава ООН или Венской конвенции о праве международных договоров или по обычаям и создают обычное право. И можно сказать, что до некоторой степени этот консенсус – не более, чем наименьший общий знаменатель.

1 Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W. W. Norton, 2001.

Здесь я могу в какой-то мере согласиться с Вашим предположением о двойных стандартах. Я бы назвал это только иначе. Помимо того, что это создало множество проблем по всему миру в сепаратистских регионах, признание Косово вопреки заявленной воле Сербии было отклонением от болезненно достигнуто-

Имплементация права – это лишь один из его аспектов. Есть еще другой, не менее важный аспект – объективная сила (*validity*).

го консенсуса международного сообщества. Консенсус состоял, говоря очень кратко, в предпочтении внутреннего самоопределения внешнему самоопределению народов. Но вернемся к моему примеру выше. Такой шаг не дает России права включать Крым против воли Украины. Таким образом, мы видим попытку воссоздать симметрию с Западом – и я считаю это очень опасным, потому что такие подходы не соответствуют праву. Но я остаюсь оптимистом: государства по-прежнему серьезно относятся к международному праву в большинстве случаев. Возьмем, к примеру, Россию. Она получила ряд отрицательных судебных решений в Страсбурге,

например в деле *Ilascu and others v. Moldova and Russia*. Европейский суд по правам человека решил, что Россия эффективно контролирует сепаратистов в Приднестровье и, следовательно, юридически ответственна за нарушения прав человека. В *ОАО Neftyanaya kompaniya YUKOS v. Russia* Суд обязал выплатить акционерам ЮКОСа почти 2 млрд евро. Но все же Россия подписала и остается подписавшей ЕКПЧ (Европейскую конвенцию по правам человека). За исключением дела ЮКОСа, Россия также всегда выплачивала компенсацию в соответствии с постановлением суда. И у России пока нет намерения выходить из этого договора, даже если она имеет на это право согласно статье 58 ЕКПЧ. Так что должно быть что-то более глубокое, что побуждает государства соблюдать международное право и ссылаться на него.

То же самое и с новыми государствами, возникшими в результате сепаратизма. Международное право может регулировать и эти вопросы. Быть независимым и иметь возможность указывать на принципы Монтевидео¹ – это один из аспектов. Но государства хотят большего: они хотят международных коммерческих связей, иммунитетов, дипломатических отношений и престижа. Важным показателем являются статьи 4 и 18 Устава ООН, регулирующие членство в организации. Не только Совет Безопасности должен рекомендовать в члены новое государство, но и две трети Генеральной Ассамблеи должны проголосовать за это. Это

Но чтобы к новому государству относились как к полноправному новому члену международного сообщества, оно должно быть признано как таковое самим этим сообществом. И это всегда будет требовать от «материнского государства» отказа от суверенитета над этой территорией.

1 "Convention on Rights and Duties of States (inter-American)," Yale Law School. Lillian Goldman Law Library, December 26, 1933, accessed December 17, 2020, http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp.

чрезвычайно высокий порог, который может быть преодолен только в том случае, если «материнское государство» не возражает. И этим объясняется, почему Косово не удалось присоединиться даже к ЮНЕСКО. Конечно, вы можете возразить: Швейцария десятилетиями не была членом ООН. Разве Швейцария – это не государство? Но эти и подобные аргументы смешивают способность и намерение. Швейцария долгое время не вступала в ООН, потому что просто не хотела этого. Косово, напротив, очень хочет, но не может. Тем не менее эти территории, которые я называю «сепаратистскими образованиями», следует рассматривать как самостоятельные субъекты международного права. И казус Косова многих и многому научит в этом деле. Есть богатая международная практика исследования образований, находящихся вне дипломатического признания. Хотел бы в этом контексте сказать, что на эту тему завершен книжный проект под названием «Сецессионистские образования и международное право: южнокавказские споры между самоопределением, территориальной целостностью и запрос на европейскую политику вовлечения» (*Secessionist Entities and International Law: The South Caucasus Disputes Between Self-Determination, Territorial Integrity and the Quest for a European Engagement Policy. Law in Eastern Europe*)¹.

Цитирование

Гарцль, Б. Международные конфликты и международное право // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (3). – С. 11–21.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-11-21>

Примечание редакции

В тексте сохранен стиль высказывания автора.

For citation

Harzl, Benedikt. "International Conflicts and International Law."
Journal of International Analytics 11, no 3. (2020): 11–21.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-11-21>

Editorial note

The text retains the style of the author's saying.

1 Планируется к публикации в 2021 г.